

Действительно, ее руки были белее и нежнее, чем у свекрови и старшей невестки, но это потому, что свекровь была старой, а старшая невестка работала в поле и постоянно находилась на солнце, а она только занималась домашними делами.

Если говорить о нежных руках, то у младшей невестки они были самыми нежными. Она жила в семье Цюй как настоящая барышня, не выполняя никакой работы, и даже одежду заказывала у вышивальщиц в уезде.

Начав с этого, Старуха Цюй перечислила все прошлые события, говоря с уверенностью, будто готова была вскочить и указать пальцем на Цюй Сыню и его жену.

Цюй И дрожал от гнева. Все это была ложь, абсолютная ложь, все происходило совсем не так.

В тот момент, когда Старуха Цюй с жаром рассказывала о том, как, по ее мнению, Цюй Сыню и его жена проявляли непочтительность, наконец подросли Старуха Мэн и ее семья.

Старуха Мэн, приблизившись, услышала весь этот бред и, полная решимости, пробилась сквозь толпу, направляясь внутрь уездного управления.

Люди, стоящие снаружи, снова начали недовольно ворчать, так как их снова толкали, но, увидев неудержимую решимость Старухи Мэн, не посмели жаловаться.

— Не носи чушь! — Старуха Мэн была в ярости. — Старуха Цюй, можешь нести чушь у себя дома, но зачем ты пришла сюда, не боишься испачкать всем уши!

Она, не обращая внимания на растерявшихся служивых и стоящих впереди Цюй И с мужем, ворвалась в зал суда и встала перед Старухой Цюй.

Старуха Мэн не была толстой, но она была выше, крепче и моложе сухой Старухи Цюй. Ее пронзительный взгляд заставил Старуху Цюй на мгновение забыть, о чем она говорила.

Старуха Мэн была так зла, что готова была дать Старухе Цюй пару пощечин. По дороге она беспокоилась, не зная, что случилось с дочерью и зятем, что их забрали служивые, но оказалось, что это проделки Старухи Цюй. Она действительно способна на такое!

Старуха Цюй оцепенела. Видимо, сменив уездного начальника на знакомую Старуху Мэн, которая стояла перед ней, она перестала бояться и, не задумываясь, встала и начала кричать в ответ:

— Старуха Мэн, а ты кто такая, как палка в навозе, только мешаешь жить другим!

Старуха Мэн тут же ответила:

— Я еще не назвала тебя навозом, а ты сама себя так назвала, видимо, у тебя есть самоосознание, поэтому ты так воняешь, просто невыносимо!

Старуха Цюй задохнулась от злости. Не думая, она начала выкрикивать поток деревенских ругательств:

— Я тебя проклинаяю! Пусть тебя молния ударит, паршивая тварь, бесстыжая...

Они быстро перешли от слов к драке, начав толкать и царапать друг друга. Раньше Старуха Мэн была вспыльчивой, но редко лезла в драку, но сегодня она была настолько зла, что не могла сдержаться.

Что касается Старухи Цюй, она первой начала драку, но не смогла справиться со Старухой Мэн. Каждый раз, когда она пыталась ударить, Старуха Мэн хватала ее, а затем царапала ей лицо, дергала за волосы или щипала мягкие места.

К тому времени, как уездный начальник опомнился от вида дерущихся старух, они уже успели несколько раз ударить друг друга, выглядели как сумасшедшие.

Не только уездный начальник был в шоке, но и служивые не сразу среагировали, так как все, кто приходил в зал суда, вели себя сдержанно, и за многие годы они никогда не видели такого беспорядка.

— Тишина! Тишина! Тишина! — уездный начальник несколько раз ударил деревянной палкой по столу, и резкий звук вернул драчунов в реальность. Они вспомнили, что находятся не в деревне, а в уездном управлении, где сидит сам уездный начальник!

Служивые тоже опомнились. Двое из них подошли и разняли женщин, разведя их в стороны.

Увидев их растрепанные волосы и помятые одежды, уездный начальник понял, что это дело окажется гораздо сложнее, чем он предполагал.

Цюй Сыню и Госпожа Мэн, стоящие на коленях, с тревогой смотрели на Старуху Мэн, которую отвели к ним, и спросили:

— Мама, ты не поранилась?

В это время Старик Мэн, Мэн Шань, Мэн Кэ, Цюй И и Лян Каншэн, не обращая внимания на служивых, вошли в зал суда и окружили Старуху Мэн, заботливо спрашивая, как она.

Старуха Мэн приоткрыла рот и тихо сказала:

— Со мной все в порядке, я давно хотела дать этой наглой старухе, наконец-то я выпустила пар. Одежда и волосы я сама растрепала, чтобы не казалось, что я ее обижаю.

Голос Старухи Мэн был тихим, но ее близкие услышали и успокоились.

Мэн Шань даже незаметно показал матери большой палец, мол, старый конь борозды не испортит.

После вмешательства Старухи Мэн все перестали говорить о непочтительности Цюй Сыню и его жены, а начали обсуждать двух дерзких старух, которые подрались прямо в зале суда.

Старуха Мэн быстро продолжила:

— Я сейчас ошаршила Старуху Цюй, старик, ты быстро иди и разоблачи ее слова, а я буду прикрывать, если она попытается что-то сделать.

Старуха Цюй внешне выглядела так, будто на ее лице было несколько царапин, но на самом деле Старуха Мэн сильно ее щипала, и она все еще не могла прийти в себя.

Старик Мэн, воспользовавшись моментом, быстро встал на колени перед уездным начальником и торжественно сказал:

— Ваше превосходительство, я — отец Госпожи Мэн, тесть Цюй Сыню.

— Есть один момент, который Старуха Цюй не упомянула. Цюй Сыню, хотя и является сыном семьи Цюй, был отправлен в наш дом, когда ему было четыре года, и жил там до восемнадцати лет, когда женился на моей дочери. Всего четырнадцать лет семья Цюй не дала нам ни гроша.

Закончив, уездный начальник с подозрением спросил:

— О? Если семья Цюй не давала вам денег, то почему вы согласились воспитывать их ребенка?

— Ваше превосходительство, в нашем доме есть семейное ремесло — плотницкое дело, поэтому наша семья живет немного лучше, чем в соседних деревнях.

— Тогда Старуха Цюй оставила ребенка у нашего дома, и четырехлетний мальчик не мог найти дорогу домой. Мы с женой, видя, как он несчастен, взяли его к себе и дали ему еду.

— Потом, когда семья Цюй не пришла за ним, мы попросили деревенских узнать, что случилось, и нам сказали, что семья Цюй бедна и не может содержать ребенка, поэтому они его отдали. Мы с женой решили воспитать Цюй Сыню, как будто взяли ученика.

Хотя они в основном делали простую мебель для крестьян, иногда богатые семьи также приглашали их для изготовления резных изделий.

Поэтому, хотя Старик Мэн боялся уездного начальника, ради дочери и зятя он собрался с духом и спокойно закончил свою речь.

Подумав о взаимоотношениях двух семей, уездный начальник задал еще один вопрос:

— Старик Мэн, когда вы взяли Цюй Сыню, вы уже думали о том, чтобы выдать за него дочь, чтобы он работал бесплатно?

В жалобе Старухи Цюй была строчка о том, что Цюй Сыню за два месяца прислал домой всего сто монет. Если он освоил плотницкое дело в семье Мэн, то за два месяца он должен был заработать больше ста монет. Куда делись остальные деньги? Может, их забрала семья Мэн?

На этот вопрос Старик Мэн ответил уверенно:

— Ваше превосходительство, когда мы с женой решили взять Цюй Сыню, нашей младшей дочери было три-четыре года, и мы не знали, что они потом полюбят друг друга. Кроме того, после того как Цюй Сыню завершил обучение, мы не заставляли его работать бесплатно.

Ученики, конечно, не получали денег до завершения обучения, а иногда даже платили мастеру за обучение, но после завершения обучения они могли зарабатывать сами.

Цюй Сыню завершил обучение за полгода до женитьбы на Госпоже Мэн, и с тех пор он сам зарабатывал, и их жизнь могла бы быть спокойной.

Но вмешалась Старуха Цюй, заставившая Цюй Сыню и Госпожу Мэн вернуться в семью Цюй, а также заставлявшая Цюй Сыню брать подработки, что привело к множеству неприятностей.

Уездный начальник продолжил:

— Есть ли доказательства?